

УДК 130.33

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗУМА

Зиннурова Л.И.

В статье предпринята попытка определить понятие общественного разума, проследить эволюцию его форм и их влияние на общественную жизнь. Делается вывод о перспективной значимости «жизненного разума», сопряженного с «историческим» и «теоретическим».

Ключевые слова: общественный разум, теоретический разум, теологический разум, политический разум, исторический разум, цинический разум, жизненный разум.

Объектом исследования выступает понятие общественного разума. **Цель** исследования – определить понятие общественного разума.

Общественный разум – всеобщее сознание, всеобщий интеллект как совокупный духовный продукт, деятельность которого и есть, собственно, духовная деятельность, что вполне соответствует марксистскому пониманию. Обращение к К. Марксу продиктовано тем значением, которое марксизм придавал всеобщему интеллекту, общественному разуму, будучи убежденным в том, что всю общественную жизнь необходимо подчинить контролю разума. Внесение разума и сознания в общественное бытие требует, не в последнюю очередь, развития самого общественного разума, утверждения сознательных форм социального саморегулирования.

Вполне разделяя эту позицию, следует подчеркнуть, что общественный разум и общественное сознание четко различимы и не совпадают. Разум вообще есть развитое, оперирующее понятиями, познающее мышление. «Разум», «разумное», «рациональное», характеризует «всеобщий интеллект» как явление социальное. Безусловно, «общественное мышление» – концептуальный конструкт весьма своеобразного толка в сопоставлении с мышлением, интеллектом человека, субъекта, т.е. индивидуальным мышлением, потому, что органом мышления, подобного человеческому мозгу, общество не располагает. И, тем не менее, сформировались в общественном развитии некие аналоги мыслящие, теоретизирующие руководствующиеся в деятельности понятиями, теориями. Это сообщества, институты, как официальные, так и самодельные, организующие тот или иной сектор общественной жизни: научные, политические, образовательные и т.п.

Эти институты, реализованные в многообразных вариантах, «мозги» общества, и их деятельность существенно преобразует и ускоряет развитие общества. Коллективный, или общественный разум реализует потребности в обмене информацией, принятии коллективных решений. Есть одно, по меньшей мере, обязательное условие появления таких «мозговых центров»: четкое

самоопределение соответствующего сектора общественной жизни и освобождение его от всего наносного, внешнего, скрывающего и маскирующего его смысл и содержание. Например, обособление и проявление политики в эпоху Возрождения, ее обнажение до неприглядной раздетости, что было обрисовано и осмыслено Н. Макиавелли. Так родился политический разум, у которого, безусловно, были предпосылки в античности, в средневековье, но политическая сфера в эпоху Средневековья настолько, задрапирована, завуалирована, а, с другой стороны, настолько подвластна религии, что говорить о политическом общественном разуме можно только метафорически.

Еще одно существенное дополнение состоит в том, что полноценный разум (субъективный, индивидуальный и общественный) должен дорасти до рефлексии, т.е. самоосмысления, уровня критического самоанализа, уровня всеобщности, выраженного в соответствующих понятиях столь же всеобщего плана. Очевидно, что общественный разум – философствующий разум. Общественный разум существует как «теоретический», «теологический», «политический», «исторический», «эстетический», «чистый», «практический», «жизненный» и «циничный». В сущности, речь пойдет о философии, которая определилась как собственно философия, и отмежевалась от науки, богословия, о философии религии, философии науки, философии художественной сферы, философии политики, философии нравственной жизни, философии жизни вообще. Особого внимания требуют: «цинический разум», поставленный на повестку дня в XX веке немецким философом П. Слотердайком, «жизненный разум», обозначенный и выдвинутый испанским философом XX века Х. Ортегой-и-Гассетом.

В истории общества и запечатлевшей ее «живой душе» философии все виды общественного разума, во-первых, эволюционировали, часто вырождаясь в общественный рассудок или даже в общественное чувство: «теоретический разум» через «чистый», «критический», панрациональный (Гегель) в иррациональное представление о мире. «Политический разум» – в «политический рассудок», которым руководствовалась в своей деятельности бюрократия, и далее в политтехнологию, не обремененную высокой разумностью. «Практический разум» вытеснился «прагматическим», «теологический разум» упал до уровня пошлого атеизма и антитеизма. «Эстетический разум» девальвировался по мере размывания границ эстетического вырождающимся искусством и также был замещен примитивным и вульгарным сначала «эстетическим рассудком», а теперь уже и «псевдоэстетическим» чувствованием.

Каждый из видов общественного разума занимал лидирующее место на определенном этапе истории, оттесняя на периферию другие виды, но, не прерывая с ними связи и даже значительно влияя на них: «теоретический разум», доминируя, рационализировал все остальные, соответственно, политический политизировал, эстетический романтизировал, практический (этический) морализовал, цинический деидентифицировал человека и человеческую жизнь. По мере истощения сил и возможностей превалирующего вида общественного разума, он сам, вырождаясь, деградируя, мельчая, сдвигался на периферию и становился маргинальным.

В начале XXI века на роль доминирующего и более того, спасительного, претендует «жизненный разум» и частично реанимируется «теоретический разум».

Можно, с некоторой дозой условности, так выстроить эволюцию общественного разума.

«Теоретический» – первый, исходный, сложился в античности. Теория в то время – страстное, сочувственное умственное созерцание, размышление. Сократ, Демокрит, Платон, Парменид, Аристотель – его творцы. Именно теоретический разум ответственен за натурфилософские системы, космологические концепции; его «продукты» – атомистическая теория, эволюционное учение Эмпедокла. Только теоретически можно было в то время получить солидные знания, т.к. общественная практика недостаточно развита, чувственному знанию отказано в доверии, оно дает лишь мнение или смутные, неотчетливые знания. Разумное, мыслимое, гипостазировано, доверие к разуму абсолютное. Разум и инструмент, и источник, и критерий истинности знания. В общей сумме знаний, именуемых философией, преобладают мысленные конструкты – «бытие», «атом», «апейрон», «идея» Платона и «форма» Аристотеля. Ум, разум, «воиζ» (нус) у Анаксагора движет миром; огонь Гераклита – это разум мира, закон. Математика – геометрия и арифметика – образцы знания, первые науки у Пифагора, Платона, Демокрита, потому что построены на разуме. Создание Аристотелем логики как науки о формах правильного мышления также укрепляет позиции теоретического разума как доминирующего.

«Теологический разум» определяет Средневековье. В античности вопросы веры обсуждались в контексте познания. Право быть целым признавалось за умом. В Средние века вера в благое и разумное, есть начало философии. Правильно ориентированный разум способствует укреплению веры. Вера предполагает существование неопределенных начал (Свет, Причина, Красота, Жизнь, Благо, Мудрость, Всемогущее, Единое, Мышление, Любовь), о которых можно свидетельствовать или которые можно созерцать. Августин Блаженный полагает, что понимание есть награда. Человек должен быть разумным, чтобы хотелось искать Бога. Авторитет не отличим от веры, авторитет и разум – два принципа, влекущие человека к познанию при условии личностного преображения.

Другой крупный богослов Иоанн Скотт Эриугена считает, что авторитет рождается из истинного разума, и он есть имя носителя этого разума. Вера – правильность разума. Разум ≡ истинная религия ≡ истинная философия.

Иоанн Бонавентура утверждает, что нужно отличать разум, ведомый верой, цель которого – «искать Бога», от самодостаточного разума, который может быть лишь инструментом теологии, т.к. он записывает то, что вера предписывает. Дунс Скотт говорит о том, что философия представляет способы доказательства и демонстрации. Теология предполагает путь убеждения; философия основывается на логике естественного, теология – на логике сверхъестественного откровения. Согласно Уильяму Оккаму, сферы разума и веры не пересекаются, поскольку уровни рационального, основанного на логической очевидности, и веры, основанной на морали, ассиметричны.

Теологический разум содержит веру и разум, которые оспаривают первенство. «Credo ut intelligam» (Августин Блаженный) в раннехристианский период, патристический. «Intelligo ut eredam» – девиз схоластики, позднего, зрелого Средневековья. Эта конкуренция завершается провозглашением принципа гармонии разума и веры, обоснованного и проводимого Фомой Аквинским. В итоге

теоретический разум, скрытый и задавленный теологическим, получил возможность выйти и конституироваться. Схоластика сама себя уничтожает, и причина тому – неминуемый взрыв бомб, неосмотрительно заложенных в теоретический фундамент Средневековья, – платонизма и аристотелизма, взыскующих истины, разума. Псевдотеоретизм схоластики не выдерживал силы этого взрыва. Теологический разум сохранился в своих осколках, наиболее крупными из которых были ортодоксальная теология, томистская философия, возрожденная как неотоцизм. Взрыв породил так же атеизм и антитеизм.

Далее в истории наступает время политического разума, который отчетливо проявился в эпохе Возрождения, хотя истоки его в античности. Политический разум пробуждается в обществах, подвергнутых капиталистическим, буржуазным преобразованиям, вначале это Голландия, Великобритания. Но подлинное начало – Италия, Флоренция, Николо Макиавелли. Возникновение первичного промышленного производства – мануфактуры, выдвижение его на главную роль в хозяйстве потребовало такого руководства, такой власти, которая была бы актуально-подвижной, мобильной, эффективной, т.е. которая является искусством действительного и возможного, а не окутанного загадочностью, величием и непонятностью действием. С другой стороны, борьба за власть в эпоху Возрождения интенсивна как никогда в Средневековье, а поскольку религия поколеблена, и покров мистического и таинственного почти со всего сорван, то возникает настоятельная необходимость естественного и разумного подхода к борьбе за власть, и Николо Макиавелли одержим идеей вооружить правителя Флоренции разумным руководством в нелегкой борьбе за власть и ее упрочение, что реализовано им в «Князе» («Государе»).

Когда инициатива из Италии переместилась на север, в Голландию, Великобританию, то политический разум представили великий голландский учитель права Гуго Гроций и политический философ Томас Мор. Продукты «политического разума» и социальные утопии Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона. По мере реализации в общественной жизни идей и стратегии политического разума, что продемонстрировано политической философией Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Канта, Гегеля, К. Маркса, его интенция ослабевает. Утвердившийся капитализм акцентирует рассудочность политической сферы, и политический разум сходит со сцены, его место занимает трезво-рассудочная политология, не продуцирующая новых идей, моделей общественного устройства, а занятая удержанием достигнутых позиций с помощью политтехнологий. Политика же превращается в столь откровенную, не брезгующую никакими средствами свару, что полностью дискредитирует себя, приобретая дурную славу грязного дела.

Интересно, что процессу вырождения оказались подвергнуты и утопии, превратившиеся в «Антиутопии», да и сотворили их уже не политические деятели и философы, а писатели: Дж. Оруэлл, В. Замятин, О. Хаксли.

Далее на авансцену истории выходит «исторический разум», который в немецкой классической философии станет философией истории. Философская рефлексия является функцией истории. «Есть истина истории, в истории мысль не есть все, есть еще сфера действия. Ни одна общественная наука не довольствуется установлением каузальных связей и всякое историческое познание предполагает определенную философию истории ... Философия истории есть часть того

сознания, которое мы имеем о самом себе, когда мы хотим жить, думая о том, что делает нашу жизнь жизнью», – замечает Арон Р. [1, с. 93].

Исторический разум стал возможен лишь с появлением исторического взгляда на мир, обязанного христианству, которое провозгласило начало мира как его сотворение Богом, развитие, движение к концу, Судному дню, второму пришествию Христа. Конкретным содержанием, действительной жизнью христианскую схему истории наполнила эпоха Возрождения, которая своими достижениями, прежде всего, географическими открытиями, расширила горизонты видения мира. Именно в эпоху Возрождения стали известны новые земли, страны, народы, культуры, появилась возможность сравнивать увиденные воочию примитивные и развитые общества и их устройства, предположить, что происходит их развитие от простых к лучше организованным и сложным.

Но вообще исторический разум взродеет позже, по мере десакрализации и жизни, и ее осмысления. Пробуждается интерес к действительной истории государств, царствующих династий, и такие истории пишут: Лейбниц пишет историю Брауншвейгской династии по заказу двора, Д. Юм составляет историю Великобритании. Возникает и собственно историческая наука, у истока которой стоит Дж.-Б. Вико.

Фундаментальность, основательность истории придал Гегель, который всю духовную жизнь представил в историческом развитии, и, следовательно, акцентировал историю общественного бытия. Исторический разум, в известной мере, есть диалектический разум, поэтому именно в немецкой классической философии диалектической по сути, историцизм занимает большое место. Не лишним вспомнить в связи с этим, что Кант, осуществляя ревизию философского знания, оставляет в ней историю философии наряду с гносеологией и этикой. Исторический разум набирал силу и влияние с ростом исторических знаний, возникновением и развитием археологии. Он утверждал себя и с появившимся и все более крепнущим осознанием учеными необходимости обращаться к истории любой науки и науки вообще. Роль исторического разума усиливалась в кризисные времена общественного развития, в которые предпринимались попытки выхода из кризиса посредством обращения к прошлому и его переосмысления, что наблюдается и в наши дни. Достаточно вспомнить и поиски действительно выдающихся исторических персонажей в России, и даже очень любопытную телепередачу «Исторический процесс», буквально только что появившуюся на российском телевидении. Исторический разум еще востребован и свои позиции не только не только сохраняет, но расширяет. Об этом свидетельствует огромный интерес к исторически-философскому анализу общественной жизни, который блестяще представлен А. Тойнби, Ф. Фукуямой.

Теоретический разум, пережив опалу, вновь властно заявляет о себе как «критический разум» в глубоком воплощении И. Кантом. Его истоки и основание – Просвещение, эпоха торжества разума, знания, науки, в которую духовные лидеры осознали необходимость гораздо более широкого распространения научных знаний, предполагавшего выход их за узкие пределы ученых сообществ. В это время необычайно высок авторитет науки, ученых-философов, их глазами общество попытается увидеть мир, к ним обращены надежды, упования. Именно они могут и должны составить тот общественный

разум, с помощью которого можно оптимизировать жизнь во всех ее аспектах, предварительно высветив беспощадно ярким его светом всё без исключения. В преддверии критического разума четко просматривается «скептический разум», представленный, прежде всего Д. Юмом, без которого И. Кант, наверное, был бы невозможен как родоначальник «критического разума». Критический разум точен, логичен, безошибочен, трезв, безукоризненно последователен, ясен, отчетлив, он оперирует отточенным аппаратом – концептуально-понятийным. Разум – способность опосредованного, прямо не восходящего к опыту познания, к высокому обобщению, синтезу, единству познания, способность производить принципы, понятия, строить умозаключения, считает Кант. Теоретический разум как критический разум производит идеи, идеалы, как принципы, абсолюты. Реальное воплощение теоретического разума – наука и философия, поиск основания всех оснований.

Критический, конечно же, теоретический разум, высшая познавательная способность, организующая теоретическую деятельность в систему научного знания. По Канту, задача разума – достижение законченного, безусловного единства человеческого опыта. Но выход разума за пределы опыта, т.е. чувств, созерцания, порождает противоречия, и это приводит к выводу об ограниченности его и постановке вопроса: что я могу знать? И. Кант анализировал субъективный разум, однако постулируя некие общие, общечеловеческие, а, значит, выходящие за пределы собственно субъективного априорные формы, присущие и чувственному, и рассудочному, и разумному, теоретическому, он предопределил или предвосхитил появление в немецкой классической философии объективного общественного разума.

Фихте, Шеллинг, Гегель утверждали объективную природу разума и его теоретических принципов, чем прокладывали дорогу общественному теоретическому разуму. Теоретическое у них – отношение, в котором человеческое «Я» определяется через предмет познания. По Гегелю, задача философии состоит в диалектическом раскрытии категориальной структуры разума. Высочайшим воплощением критического разума стало его превращение в чистый абсолютный разум – абсолютный Дух в философии Гегеля, разум, самопознавший себя, взошедший на вершину, недостижимую ни для чего и кого другого, воспаривший в своей объективности и мощи над всем. Панлогизм, панрационализм стали предельной конечной фазой, и вместе с тем, началом скепсиса, разочарования, и, в конечном счете, отторжения от чистого разума или его отторжения от тела общества и смещения на периферию.

Движущей теоретический разум на вершину была наука, которая в XIX веке совершила столь значимый рывок, который привел к научно-технической революции, т.е. к такому положению дел, при котором наука и ее реализующая техника выдвинулась в эпицентр общественной жизни. Поскольку наука и техника неотделимы от капитализма, то теоретический разум своим возрождением обязан капитализму, и его престиж зависит от успехов капитализма. Восходящий капитализм обеспечил торжество чистого разума и даже разума вообще; «застрявший», и заболевший, вошедший в полосу кризиса, он породил сомнение в абсолютном всемогуществе чистого разума и даже разума вообще; на свет появился иррационализм, который сначала начал

расшатывать, раскачивать теоретический чистый разум, в затем и вообще низверг его с пьедестала абсолютиности.

Общество постепенно, но неуклонно привыкало к мысли об иллюзорности всепобеждающего Разума. Укрепляла эти настроения и ситуация внутри самой философии, в которой наряду с иррационалистическими учениями Ницше, Шопенгауэра, Кьеркегора, появился позитивизм во всех своих формах, и философия жизни.

Теоретический, чистый, критический разум отступил в область философии науки, методологии. И хотя рационализм находится под подозрением и ему вряд ли удастся отвоевать утраченные всевластные позиции, роль его достаточно значительна, и эту роль весомо подкрепляет наука. К тому же, рациональный окрас или элемент непременно присутствует в пришедших на смену и активно утверждающихся формах общественного разума: жизненный разум Х. Ортеги-и-Гассета – «рациовитализм», цинический разум, детально проанализированный П. Слотердайком, понимается как рациональное ложное сознание.

Отступление чистого разума было инспирировано И. Кантом, который вывел из тени и основательного забвения «практический разум». Сферу социальных действий, в которой главенствовал разум, еще Аристотель называл практической, а этика, им, Аристотелем созданная, называлась практической наукой. И вот спустя два с лишним тысячелетия И. Кант заявляет практический разум как способность рационального существа действовать согласно принципам, т.е. согласно своему пониманию законов. Практический разум, в сущность, формален, он представляет собой основу для формирования принципов, а не является источником конкретных правил. Практический разум действует в области моральной философии. Благодаря практическому разуму человек выступает как свободное существо, независимое в своем поведении от «механизма» природы и конечных условий эмпирического существования. Интерес практического разума заключен в вопросе: «Что я должен делать? Поступать строго по долгу, а высший долг – относиться к человеку только как к цели и никогда как к средству. Заметим, что в античной философии так вопрос долга никогда не ставился. Практический разум у Гегеля выступает как нравственная ипостась абсолютного духа, в которой свобода также является целью и смыслом общественного развития, а максимальную реализацию свобода получает в обществе, осознавшим ее ценность большинством людей.

Трансформация капитализма к прозаическому, деляческому способу организации экономической жизни общества, неизбежная и неминуемая, сопровождающаяся кризисами, войнами, выпячивающая конкуренцию в бешеной погоне за прибылью, способствовала деградации практического разума до уровня прагматического разума. Прагматический разум в качестве ядра содержит волю, и его разумность свелась к достоверности, основанности на деле. Он изживает отвлеченность, становясь практическим орудием, имеющим практическое применение. Н.И. Бердяев именно так характеризует прагматический разум. Его продуктом является цивилизация, реалистическая, демократическая, механистическая, которая хочет реалистических достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не знаков и символов. Капиталистическая цивилизация, по словам Н.И. Бердяева, это подмена целей жизни средствами

жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации, прагматический разум, направлены исключительно на средства жизни, на технику жизни. Соотношение между целями и средствами жизни перемешивается и извращается [2, с. 166]. Для прагматического разума человек такое же средство, как все другое, и даже, прежде всего средство: пушечное мясо, объект производства и потребления. «Когда в массах человеческих слишком распространяется жадность к жизни, тогда цель перестает полагаться в высшей духовной культуре, которая всегда аристократична, всегда в качествах, а не в количествах. Цель жизни начинают полагать в самой жизни, в ее практике, в ее силе и счастье. Культура бескорыстна, цивилизация заинтересована. Практически – утилитарный, реалистический, цивилизаторский мир это и есть царство прагматического разума. Его теоретические продукты – экономический материализм, прагматизм. Марксистский экономический материализм еще согрет теплом гуманизма, унаследованного от немецкой классической философии и усиленного стремлением осчастливить человечество, способное достичь царства свободы и подлинной духовности. Прагматизм как философия бездушен и холоден, инструментален. Он тоже вроде бы за счастливое будущее, но счастье в пользе, удобстве, комфорте, т.е. прежде всего, в материальных благах.

С приходом эпохи цинического разума мы оказались в так называемом постидеологическом мире. Идеология – это ложь, которая желает, чтобы ее принимали за правду, которая переживается как правда, желает, чтобы ее принимали всерьез. Цинический разум не наивен, он парадоксальным образом оказывается просвещенным ложным сознанием: прекрасно осознавая фальшь, полностью отдавая себе отчет, что за идеологическими универсалиями скрываются частные интересы, он вовсе не собирается отказываться от этих универсалий. Как форма сознания, только цинизм соответствует абстрактно-искусственному социальному телу буржуазного общества. В этом социальном теле два разрыва: между знанием и действием и между одиночными индивидами и диффузной массой “Ман” (безличное). «Просвещенная негативность современного человека» – вот что такое цинизм. От негативности никуда не деться, и потому она должна восприниматься как судьба, как возвращение к себе, как модус существования. Цинизм – ложный проект бегства от негативности, попытка ускользнуть от нее в квазипозитивности «просвещенного» несчастного сознания». Так П. Слотердаик характеризует цинический разум. Циник – это пограничный случай меланхолика, который контролирует свои депрессивные симптомы и еще в некоторой степени способен действовать. Цинику свойственен шизоидный синдром.

Современный цинизм – это переход от надежды к реализму, от протеста к умной меланхолии, от великого политического «нет!» к мизерному субполитическому «да!», от политического радикализма к среднему курсу интеллектуального существования, от принципиальности к конформизму, от великих идеалов к житейским прописным истинам.

Цинизм – не аморальная позиция, скорее сама мораль поставлена на службу аморализму: трактовать честность и неподкупность как высшее проявление бесчестности; мораль – как изощреннейший разврат, правду – как самую

эффективную форму лжи. Это извращение «отрицания отрицания» официальной идеологии: циническая реакция состоит в утверждении, что легальное, обогащение гораздо более эффективно, чем разбой, да к тому же еще и охраняется законом. Цинизм нивелирует личность, отчуждая человека от его сущности.

Цинизм – это кинизм, вывернутый наизнанку. Киники античности и, среди них самый великий – Диоген Синопский – представляли собой античную форму экзистенциального протеста против политики, как абстрактной, ложно понятой формой жизни. Выражался этот протест в демонстрации телесной натуральности, в во-площении. Аргументы киников в соматических или пантомимических формах. Киник не ведет речи против платоновского идеализма, он живет вопреки ему и публично демонстрирует все акты жизни без стыда и лицемерия, смело и шокирующе откровенно.

Современные циники – интеллектуалы. Они начитаны, но не в состоянии действовать. Им легче смеяться сидя дома на удобном кресле, чем решать проблемы. Они смеются, т.к. лишены иллюзий и понимают, чем все закончится. Они по-настоящему не верят имеющимся объяснениям, но не могут предложить своих. В современной литературе цинизм охарактеризован как:

- результат властной стратегии по вытеснению интеллектуалов с политического поля. Поскольку цинизм тотален, интеллектуалы, которые могли бы что-то сделать, будут осмеяны;
- защитный механизм самих интеллектуалов;
- следствие лавины информации, не позволяющей предложить решение.

Цинизм как интеллектуальное явление возникает, когда критические устремления оказываются в одном поле с теми явлениями, которые подлежат критике. Это происходит, когда исчезает дистанция между критикой и критикуемым. Цинизм не признает ничего скрытого, но стремится к тому, чтобы все причины лежали на поверхности. Цинизм универсален, демонстративно лоялен к уму и равно пренебрежителен к глупости. Цинизмом часто пронизаны всезнание, «жизненный опыт». «Имей мужество признаться, что ты никогда не пользуешься собственным умом» – вот девиз циника.

П. Слотердаjk говорит, что именно И. Кант продемонстрировал структурный цинизм как часть разума, когда обнаружил антиномичность разума. Следовательно, антиномичный разум циничен. Если сравнить современного циника и его предтечу античного киника, то налицо их существенное различие. Современный циник – это интегрированный в общество антиобщественный тип, в то время как античный киник вне общества, он презираем, гоним.

Эта интегрированность в общество означает, что цинически самоопределяющиеся индивиды, так же, как и некое анонимное настроение общества, эпохи является чем-то, что вовсе не борется с реальностью, но, напротив, обеспечивает ее устойчивость. Поэтому для современного цинизма характерна массовость. Деятельность циников, заполняющих все ключевые сегменты общества, происходит на фоне «некоторой элегантной горечи», говорит П. Слотердаjk. Циники видят то Ничто, к которому все движется [4, с. 28]. Расползание цинизма по телу современного общества привело к аномии – чувству апатии и индифферентности ко всему общественному и гражданскому. У

современного циника смысл совпадает с действием. Цинизм смеется над верховным, высшим смыслом, позицией, любой предзаданностью того, что человек делает или говорит. Цинизм порожден Просвещением, т.к. именно Просвещение открыло глаза на то, что большинство принципов и лозунгов – это идеологии, т.е. частные интересы, провозглашаемые общезначимыми ценностями. Сейчас не принято умирать или страдать ради принципов. Никакие трансцендентные цели не должны угрожать благополучию частной, удобной, размеренной жизни. Современный мир – это мир частных людей, а не общественных идеалов. После двух мировых войн выращивание частного человека, не играющего всерьез в коллективные игры, является выработыванием иммунитета к угрозе новых массовых безумств.

Если цинизм, как утверждает П. Слотердаjk, есть «просвещенное ложное сознание», то власти незачем скрывать свои подлинные мотивы. Никакая ирония, насмешка или даже откровенное издевательство над лживостью власти и идеологии не угрожают ни власти, ни идеологии. Циничная власть нестерпима, но циничное общество стерпит любую власть. Как следствие такого положения дел утрата самоидентификации человека и общества, что смертельно опасно. Человеку и обществу крайне, настоятельно необходимо вернуться к себе, ощутить подлинность своего существования, которое, согласно П. Слотердаjку, заключена в любви, иронии, смехе, творчестве, ответственности, в медитации, сексуальном опьянении, экстазе. Высшая способность быть человеком необходимо включает в себя устанавливающее смысл торжества жизни, исполненное энергии сознание своего существования «Здесь» и «Сейчас» и ощущение безграничного праздника. Этическая позиция П. Слотердаjка – «мужество сказать». С помощью понятия «воплощения разума» (координации разума с телесной жизнью) П. Слотердаjk формулирует принцип «осуществления», «воплощения философии»: реализацию примирения между единичным и всеобщим, которая имело место до сих пор лишь в утопических постулатах и в эзотерике.

И вот здесь прочерчивается образ «жизненного разума», который в отличие от чистого Х. Ортега-и-Гассет называет рацивитализмом, т.е. погружением разума в жизнь. Что значит жить? Сенека говорил, *Vivere militare* (жить, значит сражаться). Жизнь для Х. Ортега-и-Гассета – это особый способ бытия, неподвластный теоретическому анализу рационалистического мышления и который определяется как единство драматического динамизма между «Я» человека и окружающим его миром обстоятельств, ситуаций. Жизнь – это всегда жизнь каждого, и ее носитель, человек должен прожить определенную жизнь, для которой характерны постоянное становление, непрерывное движение в границах исторического времени, незавершенность и изменчивость, незаданность и необусловленность, поэтому с ней несовместимо понятие субстанциальности. Жизнь человека – это постоянная устремленность в будущее, она определяется так же как драма, как «чистое универсальное бытие», «чистый случай», и, в конце концов, как история человека. В этой перспективе разум воспринимается как понимание «драмы», как истолкование ситуации, обстоятельств жизни; давая жизни ее ориентиры, истину, он придает ей смысл. В конечном счете, разум выступает самосознанием жизни, ее инструментом, но одновременно, сама жизнь становится разумом, «жизненным разумом», который Ортега называет «историческим». В

исследовании человека наступает новый период, провал «чистого разума», «физического разума»; в понимании человека открывается свободный путь для жизненного или исторического разума.

Выводы. Поворот философии и общества к человеку выдвигает в центр жизненный разум, что даст возможность человеку вернуться к самому себе. Философия – это жизненный разум, это выражение высшей потребности разума как части жизни обосновать свое собственное существование. Философия реализует своими собственными средствами жизненную задачу человека – «онтологическую жажду», стремление быть вечно, не умирать, поэтому умножает возможные миры, расширяет пространство возможного. Мыслить о возможном – это единственный способ помыслить вечность. Философия пришла к самоидентификации, и появился «жизненный разум», который стал центром «рациовитализма», учения Х. Ортеги-и-Гассета, обосновывающего единство жизни и разума.

В целом почти к такому же выводу приходит и П. Слотердаjk через критику цинического разума, и Э. Фромм, и это вселяет оптимизм и дает основание надеяться, что будущее у человечества есть и человек будет его достоин.

Список литературы

1. Арон Р. Введение в философию истории / Арон Р. – М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2000. – 543 с.
2. Бердяев Н.И. Смысл истории / Бердяев Н.И. – Москва: Мысль, 1990. – 176 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / Ортега-и-Гассет Х. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
4. Слотердаjk П. Критика цинического разума / Слотердаjk П. – Екатеринбург: У-Фактория. – М.: АСТ Москва, 2008. – 800 с.

Зиннурова Л.И. Еволюція суспільного розуму // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 239-249.

В статті зроблена спроба визначити поняття суспільного розуму, прослідити еволюцію його форм і їх вплив на суспільне життя. Робиться висновок про перспективну значущість «життєвого розуму», зв'язаного з «історичним» і «теоретичним».

Ключові слова: суспільний розум, теоретичний розум, теологічний розум, політичний розум, історичний розум, цинічний розум, життєвий розум.

Zinnurova L.I. Evolution of public reason // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 3-4. – P. 239-249.

In the article an attempt to define a public reason concept, to trace evolution of its forms and their influence on the public life. It is concluded about perspective meaningfulness of the «vital reason» attended with «history» and «theoretical» is drawn.

Keywords: public reason, theoretical reason, theology reason, political reason, history reason, tsinicheskij reason, vital reason.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.